

МАКС ЛУКАДО

В ДЕСНИЦЕ

Брагодати

4-е издание

ПРЕДИСЛОВИЕ

Несколько лет назад наша семья провела День независимости* на озере по соседству. На празднике было все — фейерверки, хот-доги и жаркое солнце. Но за эти праздничные дни мне особенно врезались в память полеты на парашюте за катером, или парасейлинг. Ну, вы сами видели: буксируемый катером парашют (парасейл) поднимает вцепившегося в стропы пассажира на четырехста, а то и (за лишние десять долларов) на шестьсот футов вверх.

Лети себе над озером, слушая крики далеко внизу, держись за крепления и наслаждайся пейзажем, а катер пусть потрудится. А как же иначе? Чтобы достичь такой высоты, нужна чья-то помощь. Чтобы на ней удержаться, требуется действие какой-то могучей внешней силы. Ни один человек не может сам поднимать себя в такие выси.

И это главная тема Нового Завета. Мы не можем сами себя спасти, не можем и сами оставаться спасенными. Нужно действие Божьей благодати. И такова тема моей книги. Благодарение Богу, Он за последние несколько лет не раз действовал через эту книгу, чтобы достучаться до людских сердец. Я только что получил письмо от одного моего друга, христианина — он недавно поехал в

* Основной государственный праздник США, отмечаемый 4 июля. В этот день в 1776 году представители тринадцати британских колоний в Северной Америке приняли Декларацию независимости, назвали колонии *Соединенными Штатами* и провозгласили Соединенные Штаты Америки свободной и независимой от Великобритании страной. — *Примеч. ред.*

Европу, чтобы повидаться со своим умирающим братом. Раньше они не могли общаться на духовные темы. Мой друг заранее послал своему брату экземпляр «В деснице благодати». Когда он, наконец, увидел брата, тот был уже при смерти. Эта книга лежала на его тумбочке. Умирающий, показав на нее, произнес:

— Теперь я понял.

И улыбнулся брату.

О, великая Божья благодать...

Глядя на свою дочь, парящую высоко в воздухе, я сказал себе: «Разве это не образ благодати? Вот моя дочь, одновременно летящая и сидящая». Эти слова редко встречаются в одном предложении. Тем более на религиозную тему. Мы привыкли, что взмывают ввысь в трудах, сквозь тернии, в борьбе. Но взмыть ввысь и лететь, спокойно сидя?

Так бывает. Так бывает, когда предоставишь трудиться катеру. Так бывает, когда предоставишь сделать все за тебя Богу.

Так бывает, когда живешь в деснице благодати.

ВВЕДЕНИЕ

Мое единственное основание писать о благодати — это моя одежда. Объяснюсь.

Многие годы я носил красивый костюм — пиджак, брюки и шляпа. Я считал, что выгляжу весьма импозантно, и пребывал в полной уверенности, что окружающие думают так же.

На пошив штанов пошла ткань всего того, что мне удалось сделать в жизни, прочнейший материал решенных задач и воплощенных замыслов. Здесь что-то проштудировал, там написал проповедь. Многие хвалили мои брюки, и, признаться, я полюбил поправлять ремень на публике, лишь бы их заметили и оценили.

Не меньшее впечатление производил и пиджак. Он был соткан из моих убеждений. Каждый день я облачался в особое религиозное рвение. Чувства мои были сильны. Настолько сильны, что нередко меня просили продемонстрировать пиджак моего благочестия на религиозных собраниях для воодушевления остальных. Конечно же, я с радостью соглашался.

Там же я щеголял и своей шляпой с пером, шляпой моих познаний. Сделав ее своими руками из материала моих личных представлений, я носил этот головной убор с гордостью.

«Наверняка мой костюм производит впечатление на Бога», — частенько думал я. Время от времени, приосанившись и выпятив грудь, я прохаживался в Его обители, рассчитывая услышать похвалу в адрес моей самодельной одежды. Он всегда молчал. «Должно быть, это восхищенное молчание», — убеждал я себя.

Но постепенно мой гардероб стал приходить в негодность. Ткань брюк истончилась. Мои лучшие работы трещали по швам. У меня стало накапливаться больше незавершенных дел, да и тем немногим, что я делал, хвататься не приходилось.

«Ничего, — думал я, — возьмусь за дело посерьезней, и проблем не будет».

Но проблема была как раз в том, чтобы взяться за дело посерьезней. В пиджаке моих убеждений появилась дыра. Мою самонадеянность как ветром сдуло. Порыв этого холодного ветра ударил меня в грудь. Я хотел было поглубже натянуть на голову шляпу, да только ее поля оторвались.

За пару месяцев костюм моей убежденности в собственной праведности полностью износился. Я уже не был похож на элегантного джентльмена, скорее на какого-то оборванца. Страшась, что Бога рассердит мой вид, я изо всех сил старался залатать свои лохмотья, прикрыть заблуждения. Но ткань стала уже такой ветхой... И ветер задувал все сильнее. Наконец я сдался. Я решил снова идти к Богу (а куда мне было еще идти?).

Зимним днем я пришел в Его обитель — не ради комплиментов, мне нужно было хоть немного тепла. И взмолился слабым голосом:

— Мне холодно, будто я совсем голый.

— Так и есть. И уже давно.

Никогда не забуду, что Он сделал после этого.

— У Меня кое-что найдется для тебя, — сказал Господь. Стряхнув с меня ниточки, оставшиеся от старой одежды, Он достал мантию, царскую мантию, одеяние Его благодати. Накинув ее мне на плечи, Он ласково произнес:

— Сын Мой, теперь ты *облекся во Христа* (см.: Гал. 3:27).

Тогда я наконец-то понял смысл гимна, который пел, наверное, тысячу раз:

*Одетый только в праведность свою,
Оправданным стоит перед престолом¹.*

Мне кажется, что кое-кто из вас знает, о чем я говорю. Вы тоже носите собственноручно скроенную одежду. Вы сами сшили ее и украсили своими благочестивыми делами... и вы уже заметили прорехи в ткани. Прежде чем вы начнете их латать, я хотел бы поделиться с вами мыслями о величайшем открытии в моей жизни — о Божьей благодати.

У меня есть план для нас с вами: какое-то время мы будем подниматься на горные вершины послания Павла к римским христианам. В послании, обращенном к самоуверенным людям, нагота тех, кто предпочел самодельную одежду, противопоставляется радости облекшихся в мантию благодати. Послание к Римлянам — величайший из когда-либо написанных трактат о благодати. Вы вдохнете свежего воздуха, и вашему взгляду откроются ясно различимые дали.

Мартин Лютер назвал Послание к Римлянам «главной частью Нового Завета, Евангелием чистейшей воды»². Бог воспользовался этой новозаветной книгой, чтобы преобразить жизнь (и одеяние) Лютера, Джона Уэсли, Жана Кальвина, Уильяма Тиндла, святого Августина и миллионов других людей.

Есть все основания надеяться, что Он сделает это и для вас.

*Макс Лукадо
День памяти павших*, 1996 год*

¹ Праздник, отмечаемый в США в последний понедельник мая. В этот день американцы отдают дань памяти соотечественникам, погибшим на полях сражений. — *Примеч. ред.*

1

Рим. 1:21–32

ПРИТЧА О РЕКЕ

У одного отца было пятеро сыновей. Все вместе они жили в горном дворце. Старший сын был послушный, а четверо младших — не очень. Отец предупреждал их, как опасна горная река, но они не слушали. Он просил сыновей не подходить к берегу и ни в коем случае не лезть в воду, чтобы их не смыло потоком, но соблазн был слишком велик.

С каждым днем четверо непослушных братьев осмеливались подходить все ближе и ближе к реке, пока один из них не решил, наконец, дотянуться до воды.

— Держите меня, чтобы я не упал, — сказал он, и братья крепко вцепились в него.

Но он не успел коснуться воды и все-таки упал; неистовым потоком его вынесло на стремнину, а вместе с ним и всех остальных.

Река тащила их, свирепо била о камни, перебрасывала через пороги, захлестывала волнами. Их крики о помощи не пробивались сквозь страшный грохот воды. Как ни старались братья подплыть поближе к берегу, против

могучих ударов стихии они были бессильны. После долгих часов бесплодной борьбы они покорились течению. В конце концов река выбросила их на плес где-то в чужом угрюмом краю, очень далеко от дома.

Дикие люди обитали в этой стране. Здесь братья не могли чувствовать себя в такой безопасности, как во дворце своего отца.

Холодные ветра продували пустошь насквозь. Здесь не было так тепло, как на родине.

На границах долины виднелись мрачные скалы. Чужая страна вовсе не выглядела гостеприимной, не то что их собственная.

Хотя братья не знали, где оказались, в одном они были уверены — не для того они появились на свет, чтобы жить здесь. Братья долго лежали на берегу, все еще ошеломленные тем, что упали в реку, не представляя, куда им теперь идти. Через какое-то время они набрались мужества и снова вошли в воду, надеясь вброд пробраться вверх по течению. Но брода в той реке не было. Они попробовали пройти по берегу, но мешали кручи. Хотели взобраться на гору, но она оказалась слишком высокой. И потом, они все равно не знали дороги домой.

Наконец, они разожгли костер и сели у огня.

— Надо было слушаться отца, — признались они друг другу. — Мы очень далеко от дома.

Со временем сыновья научились жить в чужой стране. Они питались орехами и делали одежду из звериных шкур. Братьев переполняла решимость не забывать родину и не терять надежды на возвращение. Каждый день они занимались тем, что добывали еду и строили шалаш. Каждый вечер они садились у костра и вспоминали отца и старшего брата. Все четверо очень по ним тосковали.

Но как-то вечером один из братьев не пришел к костру. Утром остальные увидели его в долине, где жили дики. Он строил там хижину из тростника и глины.

— Надоели мне наши разговоры, — сказал он братьям. — Что толку все вспоминать и вспоминать одно и то же? А здесь не так уж плохо. Я построю себе хороший дом и поселюсь в нем.

— Но это же не наша родина, — возразили они.

— Да, но эта страна ничем не хуже нашей, если не вспоминать о ней...

— А как же отец?

— А что отец? Его тут нет. Он далеко. С какой стати я должен вечно сидеть и ждать, когда он придет? У меня появятся новые друзья, я заживу по-новому. А отец... Придет, так придет, но я не стану ждать у моря погоды.

И оставшиеся трое братьев, ничего больше не добившись от строителя хижины, ушли. Они продолжали собираться у костра, вспоминать о родине и мечтать о возвращении.

Через несколько дней и второй сын не появился у костра. Утром они обнаружили его в долине; он внимательно наблюдал за хижинкой другого их брата.

— Какая мерзость! — сказал он им, едва они подошли. — Наш брат — форменный негодяй. Позорит нашу семью. Подумать только, до чего он докатился! Как можно строить эту хижину, забыв про нашего отца?

— Он неправильно себя повел, — согласился самый младший, — но и мы натворили дел. Мы нарушили волю отца. Мы полезли в реку. Мы не слушали отцовских предостережений.

— Ну, может, мы раз-другой и ошиблись, но по сравнению с этим, в хижине, мы просто святые. Отец простит наше прегрешение, а его накажет.

— Пойдем, — позвали его два брата, — вернемся к нашему костру.

— Нет, я лучше послезу за этим нашим братцем. Кто-то ведь должен запомнить все его грехи, чтобы рассказать отцу.

И два брата ушли, оставив строителя хижины и блюстителя нравов.

Они по-прежнему сидели вечерами у костра, подбадривая друг друга и вспоминая о доме. Но вот однажды утром младший сын, проснувшись, увидел, что остался один. Он пошел искать брата и встретил его у реки — тот ворочал и укладывал камни.

— Иначе ничего не получится, — объяснил, не отрываясь от своего занятия, укладывающий камни брат. — Отец не придет за мной. Я должен сам найти его. Я его огорчил. Я нарушил его волю. Я не оправдал его надежд. У меня теперь только одна возможность. Я сделаю каменную насыпь вверх по реке и вернусь в обитель отца. Буду укладывать камень за камнем, пока не смогу пройти посуху до дворца. Когда отец увидит, как я старался, как усердно работал, ему больше ничего не останется, как распахнуть двери и впустить меня в дом.

Последний из братьев не знал, что и сказать. Он вернулся к костру и сидел там в одиночестве. Однажды утром он услышал позади знакомый голос:

— Отец прислал меня, чтобы вернуть тебя домой.

Младший сын обернулся и увидел лицо своего самого старшего брата.

— Ты пришел за нами! — воскликнул он. Братья радостно обнялись.

— А где же остальные братья? — спросил, наконец, старший.

— Один выстроил здесь дом. Еще один следит за ним. А третий строит насыпь вверх по реке.

И первенец пошел искать своих братьев. Сначала он направился к тростниковой хижине в низине.

— Уходи, чужеземец! — заорал его брат в окно. — Тебя здесь не ждали!

— Я пришел, чтобы отвести тебя домой.

— Ну да, как же! Ты пришел отобрать мой замок!

— Это не замок, — возразил перворожденный. — Это лачуга.

— Это замок! Самый лучший во всей долине! Я построил его своими руками. Так что уходи. Не видать тебе моего замка.

— Разве ты забыл дом своего отца?

— У меня нет отца.

— Ты родился во дворце в далекой стране, где всегда тепло и полно цветов. Ты не послушался отца и попал сюда, в чужие края. Я пришел, чтобы забрать тебя домой.

Брат всмотрелся через окно в перворожденного, словно с трудом узнавая его. Но пауза была недолгой, потому что дикари в хижине тоже подбежали к окну.

— Убирайся, нахал! — закричали они. — Это не твой дом!

— Верно, — ответил первенец, — но он и не ваш.

Братья снова встретились взглядами. И снова строитель хижины ощутил укол в своем сердце, но дикарям он уже доверял больше.

— Ему просто нужен твой замок! — кричали они. — Прогони его!

И он прогнал своего старшего брата.

Перворожденный пошел искать следующего брата. Далеко идти не пришлось. Около хижины, на виду у дикарей, сидел сын-обвинитель. Увидев приближающегося перворожденного, он завопил:

— Как хорошо, что ты пришел посмотреть на грехи нашего брата! Ты знаешь, что он отказался даже вспоминать о нашем дворце? Ты знаешь, что он никогда не говорит о доме? Я знал, что ты придешь. Мне тут все известно о его делах. Накажи его! Я буду в восторге от твоего гнева. Он это заслужил! Разберись с грехами нашего брата!

Перворожденный мягко сказал:

— Сначала нам нужно бы разобраться с твоими грехами.

— С моими грехами?

— Да, ты нарушил волю отца.

Непослушный сын ухмыльнулся и помахал рукой.

— Да что там мои грехи. *Вот где* грешник, — заявил он, указывая на хижину. — Дай мне рассказать тебе о дикарях, которые...

— Лучше расскажи мне о себе самом.

— За меня не волнуйся. Давай я покажу тебе, кому тут нужна помощь, — сказал он, бросаясь к хижине. — Пойдем-ка заглянем в окно. Меня он никогда не замечает. Подойдем вместе.

И этот сын умчался к хижине, даже не заметив, что перворожденный не следует за ним.

Тогда старший сын направился к реке. Там он увидел младшего из братьев — тот укладывал камни в воде.

— Отец прислал меня, чтобы забрать тебя домой.

Тот даже не глянул:

— Некогда мне тут болтать. Мне надо работать.

— Отец знает, что ты тогда упал. Но он простит тебя...

— Может, и так, — перебил его брат, стараясь не оступить в бурном потоке, — но сначала я должен добраться до дворца. Я должен построить дорогу вверх по реке. Сначала я покажу ему, что я заслужил его милость. А уж потом попрошу его простить меня.

— Он уже простил тебя. Я отведу тебя вверх по реке. Ты никогда не сможешь достроить свою насыпь. Река слишком длинная. Эта задача тебе не по силам. Отец прислал меня, чтобы вернуть тебя домой. И у меня хватит сил.

В первый раз укладчик камней поднял взор:

— Как ты смеешь говорить о нем так непочтительно! Мой отец не может просто взять и простить. Я согрешил. Я совершил великий грех! Он велел нам не приближаться к реке, а мы нарушили его волю. Я великий грешник. И теперь мне придется положить много труда на то, чтобы получить прощение.

— Нет, брат мой, для прощения тебе не нужны великие труды. Тебе нужна великая благодать. Расстояние от тебя до дома нашего отца слишком велико. Тебе не хватит ни сил, ни камней, чтобы вымостить себе путь. Поэтому отец и прислал меня. Он хочет, чтобы я вернул тебя домой.

— Говоришь, я не смогу? Говоришь, не хватит сил? Да ты посмотри на мою работу! Посмотри на эти камни! Я уже могу сделать пять шагов.

— Но тебе нужно сделать пять миллионов шагов!

Младший брат сердито посмотрел на перворожденного:

— Я понял, кто ты. Ты — исчадие ада. Ты пытаешься искусом отвлечь меня от моих священных трудов. Изыди, змий!

И он швырнул в перворожденного камень, который приготовил для своей насыпи.

— Еретик! — крикнул строитель насыпи. — Убирайся прочь! Меня ничто не остановит. Я построю свою насыпь и предстану перед отцом, и ему придется простить меня. Я завоюю его благорасположение. Я заслужу его милость.

Перворожденный покачал головой:

— Завоевать благорасположение невозможно. Заслуженная милость — это и не милость вовсе. Прошу тебя, позволь мне отвести тебя домой.

В ответ полетел еще один камень. Тогда перворожденный повернулся и ушел.

Самый младший брат дожидался перворожденного у костра.

— Остальные не придут?

— Нет. Один предпочитает наслаждаться, другой — осуждать, а третий — трудиться. Никто из них не предпочел вернуться к нашему Отцу.

— Значит, они останутся здесь?

Старший брат медленно кивнул:

— На какое-то время.

— А мы вернемся к отцу? — спросил младший.

— Да.

— Он простит меня?

— А зачем бы он тогда прислал меня?

Старший брат взвалил себе на спину младшего, и началось их возвращение домой.

* * *

Все четыре брата услышали один и тот же призыв. У каждого была возможность вернуться со старшим братом домой. Первый отказался, предпочтя свою тростниковую лачугу дому отца. Второй отказался, решив отмечать все ошибки своего брата, вместо того чтобы признать собственные. Третий отказался, думая, что непосильные труды лучше искреннего покаяния. А четвертый согласился, чтобы жить с чувством благодарности, а не с чувством вины.

— Я радую себя сам, — решает первый.

— Я сравниваю себя с тобой, — решает второй.

— Я сам спасаю себя, — решает третий.

— Я вверяю себя тебе, — решает четвертый.

Можно мне задать вам жизненно важный вопрос? Вот вы прочитали о четырех братьях, и кого же из них нужно вспомнить, если говорить о ваших отношениях с Богом? Признаете ли вы, как четвертый сын, свою неспособность самостоятельно вернуться домой? Взялись ли вы за протянутую руку нашего Отца? Поддерживает ли вас десница благодати?

Или вы больше похожи на кого-то из трех других сыновей?

ТАБЛИЦА К ПРИТЧЕ

	Строящий хижину гедонист Рим. 1:18–32	Ищущий вину судья Рим. 2:1–11
Что делать?	Ублажать себя	Сравнивать себя с другими
Цель:	Удовлетворить свои вожделения	Следить за своим ближним
Характеристика:	Любит удовольствия	Показывает на других пальцем
Индивидуальная особенность:	Сибаритствующий	Заносчивый
Самоанализ:	Может быть, я грешен, ну и что?	Может быть, я грешен, но я лучше, чем...
Богословие:	Пренебрегает Богом	Отвлекает Бога
Наклейка на бампере:	«Жизнь коротка! Не зевай!»	«Бог все видит, и я тоже»
Жалобы:	Мало наслаждаюсь	Мало выследил
Любимое животное:	Мартовский кот	Сторожевой пес
Проводит время, глядя:	В ресторанное меню	В замочную скважину на соседа
О благодати:	Для меня-то?	Да уж, для тебя-то!
О грехе:	Никто не виновен	Он виновен
Дела:	Что я делаю — это мое дело	Мое дело — то, что делаешь ты
Любимая фраза:	Гуляй!	Исправься!
Ограничения:	Если это приятно, вперед!	Если ему приятно, отметь это
Состояние:	Пресыщенность	Негодование
Вывод Павла:	Тебе нет оправдания за твои дела	У тебя нет права судить других
Ключевая цитата:	«...Предал их Бог в похотях сердец их нечистоте...» (Рим. 1:24)	«...Неизвинителен ты... судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же». (Рим. 2:1)

ТАБЛИЦА К ПРИТЧЕ

Укладывающий камни законник Рим. 2:17 – 3:20	Ведомый благодатью христианин Рим. 3:21–25
Спаси себя своими силами Удостоверить свои заслуги	Вверить себя Христу Познать своего Отца
Взвалил на себя непосильное бремя Напряженный	Любит Бога Умиротворенный
Может быть, я грешен, но если постараюсь... Откупается от Бога «Я должен, должен; надо идти трудиться»	Может быть, я грешен, но я прощен Ищет Бога «Я не совершенен, но я прощен»
Мало делаю Трудолюбивый бобер На список дел	Мало благодарю Его Палящий орел На обилие Божьих благословений
Нет, не для меня Я всегда виновен	Да, для меня Я был виновен
Мое дело — то, что требует Бог Трудись!	Мое дело — то, что делает Бог Спасибо!
Если это приятно, это не для меня	Если это приятно, рассмотри это
Усталость Тебе не решить твоих проблем	Благодарность Тебе нечего бояться
«...Делами закона не оправдается пред Ним никакая плоть...» (Рим. 3:20)	«...Праведный верую жив будет». (Рим. 1:17)

Гедонист. Судья. Законник. Все трое заняты тем, что нужно им самим, а не их отцу. Павел говорит об этих троих в первых трех главах Послания к Римлянам. Посмотрим на каждого.

Строящий хижину гедонист
Рим. 1:21–32

Не похожи ли вы на гедониста? Любовь к своей низине победила в нем стремление вернуться во дворец. Он променял дворец на хижину. Цель его жизни — удовольствие. Таково определение гедонизма, и именно так живет этот сын.

Гедонист строит жизнь так, как если бы никакого отца у него не было, нет и не будет. То есть когда-то там, давным-давно, может, и был отец, но чтобы сейчас, в данную минуту? Сын проживет без него. В каком-то отдаленном будущем, может быть, придет отец и позовет его, но не сегодня же? Сын сам кует свое счастье. Вместо будущего журавля ему хватает сегодняшней синицы.

Именно таких людей имел в виду Павел, когда сказал: «...славу нетленного Бога изменили в образ, подобный тленному человеку, и птицам, и четвероногим, и пресмыкающимся... ..И поклонялись, и служили твари вместо Творца...» (Рим. 1:23, 25). Гедонист совершает невыгодный обмен, он меняет дворец на хижину, и брата на чужеземца. Он поселяется в лачуге вместо дома своего отца и гонит его сына прочь.

Ищущий вину судья
Рим. 2:1–11

Второй брат рассудил просто: «Зачем заниматься своими ошибками, когда я могу заняться чужими?»

В жизни он — судья. «Может быть, я не хорош, но если удастся отыскать кого-то, кто еще хуже, можно не вол-

новаться». Свою добродетель он культивирует на чужих пороках. Он рвется в любимчики учительницы младших классов. Выпячивает ошибки одноклассников, умалчивая о своей двойке. Он — соседский сторожевой пес, домогающий людей призывами к очищению, а свалку на собственном дворе не замечающий.

«Приди, Господь, я покажу тебе грехи моего ближнего», — взывает моралист. Но Бог не пойдет за ним в долину. «...Неизвинителен ты, всякий человек, судящий другого, ибо тем же судом, каким судишь другого, осуждаешь себя, потому что, судя другого, делаешь то же» (Рим. 2:1). Это пустая уловка, и Бог ее раскусит.

Укладывающий камни законник

Рим. 2:17 — 3:20

И есть еще брат, трудящийся на реке. Ах, вот наконец-то сын, достойный уважения. Трудолюбивый. Деловой. Энергичный. Вот парень, осознавший свои грехи и решивший сам за них расплатиться. Бесспорно, он заслуживает, чтобы ему аплодировали. Бесспорно, он заслуживает, чтобы ему подражали. И бесспорней всего, он заслуживает, чтобы отец его простил. Неужели отец не распахнет двери дворца, когда увидит, сколько трудов положил его сын, чтобы вернуться домой?

Не воспользовавшись помощью отца, законник взвалил на себя непосильное бремя и вошел в реку своего поражения. Но, конечно, отец будет счастлив его увидеть. Точнее, был бы, если бы сын когда-нибудь смог добраться до дворца.

Понимаете, дело не в чувствах отца, а в силе течения. Сына унес от отчего дома не журчащий ручеек, а грохочущий поток. Хватит ли сыну сил, чтобы сделать каменную насыпь до дома отца?

Сомнительно. Мы бы точно не смогли. «...Нет праведного ни одного...» (Рим. 3:10). О, но мы ведь стараемся.

Мы не укладываем камни в реку, но творим добрые дела на земле.

Мы думаем: «Если я сделаю это, Бог примет меня».

«Если я выучу этих детей...» — и мы поднимаем камень.

«Если я схожу в церковь...» — и мы кладем камень в поток.

«Если я подам милостыню...» — еще один камень.

«Если я одолею книгу Лукадо...» — семнадцать огромных валунов.

«Если я прочитаю Библию, правильно пойму истинное учение, если стану членом вот этой общины...» — камень на камень, и еще один сверху.

В чем тут дело? Вы можете сделать пять шагов, но вам нужно сделать пять миллионов. Река слишком длинная. Нас отделяет от Бога не мелкая канава, а бурные грозные водопады на реке греха. Мы укладываем и укладываем камни, но на самом лишь топчемся на месте, не продвигаясь сколько-нибудь заметно вперед.

Итог для укладчика камней предсказать удивительно легко — или отчаяние, или надменность. Такие люди или сдаются, или зазнаются. Укладчик камней либо думает, что ему никогда не сделать требуемого, либо полагает, что он единственный, кто смог бы это сделать. Странно, что два человека могут смотреть на две совершенно одинаковые кучи камней, и один вешает голову, а второй выпячивает грудь.

Назовем такое состояние *религиозным безбожием*. О нем идет речь в суровом приговоре Павла: «...весь мир становится виновен пред Богом...» (Рим. 3:19).

Безбожный или набожный?

Эти трое стоят друг друга — как, по-вашему?

Один на диване у мини-бара.

Другой в кресле судьбы.

Третий на церковной скамье.

Хотя они могут показаться совсем разными людьми, у них очень много общего. Все трое обособились от Отца. Ни один из них не просит помощи. Первый удовлетворяет свои страсти, второй следит за ближним, а третий пересчитывает свои заслуги. Самоуспокоенность. Самооправдание. Самоспасение. Главное слово — «сам». Самодостаточность. «Нет страха Божия перед глазами их» (Рим. 3:18).

Павел называет это безбожием* (см.: Рим. 1:18). Безбожие. Слово само по себе понятно. Жизнь за вычетом Бога. Это хуже, чем презрение к Богу, это отрицание Бога. В отличие от безбожника относящийся к Богу с презрением, по крайней мере, признает Его существование. Тогда как презрение побуждает людей вести себя непочтительно, отрицание заставляет их поступать так, как если бы Бог ничего не значил, как если бы Бога вообще не было в их жизни.

Как Бог относится к безбожной жизни? Без снисходительности. «...Открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою» (Рим. 1:18). Главная мысль Павла достаточно серьезна. Бог праведно гневается на дела своих детей.

И я тоже могу вас предупредить — первая глава Послания к Римлянам не слишком оптимистична. Павел сообщает безрадостные вести, прежде чем перейти к вести благой. В конце концов он объяснит нам, что все мы в равной мере можем надеяться на благодать, но не раньше, чем докажет, что все мы безнадежно грешны. Мы должны понять, в какой мы беде, прежде чем сможем возблагодарить нашего Бога. Перед тем, как узнать о Божьей благодати, мы должны осознать гнев Божий.

И поскольку Павел начинает с этого, с этого начнем и мы.

* В Синодальном переводе — «нечестие». — *Примеч. пер.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Когда не остается тайны, уже нет и величия. Чем больше мы знаем, тем меньше верим. Неудивительно, что удивленных не осталось. Мы думаем, что все уже познали. Странно, не правда ли? Понимание того, как все устроено, не должно мешать нам удивляться. Познание должно вызывать удивление. Кто имеет больше причин поклоняться Богу, чем астроном, видевший звезды, чем хирург, державший в руках сердце, или океанолог, проникший в морские глубины?

КАКАЯ ЖУТЬ!

2

Рим. 1:18–20

БЛАГОДАТНЫЙ ГНЕВ БОЖИЙ

Ибо открывается гнев Божий с неба на всякое нечестие и неправду человеков, подавляющих истину неправдою. Ибо, что́ можно знать о Боге, явно для них, потому что Бог явил им.

Рим. 1:18–19

— И вы узнали, что ваш бойфренд спит с вашей матерью?

Смешки в зале. Старшеклассница на сцене склонила голову под любопытными взглядами публики.

Ее мать, средних лет женщина в тесно облегающем черном платье, сидела в обнимку с худосочным юнцом в футболке. Она помахала публике рукой. Он осклабился.

Ведущая ток-шоу Кристи Адамс, не разводя церемоний, сразу спросила:

— Вы действительно спали друг с другом?

Мать, по-прежнему держа юнца за руку, взглянула на него. Он ухмыльнулся, и она с улыбкой ответила:

— Да.

Мать принялась объяснять, как ей было одиноко после развода. Приятель ее дочери постоянно болтался у них дома, и вот однажды он плюхнулся рядом с ней на диван, они разговорились, слово за слово, а потом она вдруг поняла, что они уже... Мать покраснела, подросток пожал плечами, заканчивать фразу не потребовалось.

Девушка молчала, лицо ее ничего не выражало.

— Вас не волнует, какую мораль должна извлечь из случившегося ваша дочь? — наседала Кристи.

— Я учу ее только тому, какова реальная жизнь.

— А вы что же? — обратилась Кристи к юнцу. — Ведь вы изменили своей девушке?

Тот выглядел искренне удивленным.

— Я по-прежнему люблю ее, — заявил он. — Ей же только лучше, если я люблю ее мать. Мы одна счастливая семья. Ничего плохого в этом нет!

Публика разразилась свистом и аплодисментами. Как только шум пошел на убыль, Кристи сказала любовникам:

— Не все с вами согласятся. Я пригласила в студию гостя, чтобы обсудить такой образ жизни.

Люди в зале притихли, сразу заинтересовавшись, кого сегодня привела Кристи, чтобы драматизировать представление.

— Это самый известный в мире богослов. Его произведения уже давно стали руководством по этике для одних и предметом спора для других. Впервые на шоу Кристи Адамс — прошу любить и жаловать — бурно обсуждаемый богослов, ученый и писатель апостол Павел!

Вежливыми аплодисментами зал встретил невысокого лысеющего мужчину в очках и твидовом пиджаке. Усевшись в большое для него кресло, он чуть-чуть ослабил галстук. Кристи прервала приветствия:

— Вам не нравится то, что делают эти люди?

Павел сложил руки на коленях, посмотрел на троих героев шоу, потом опять на Кристи.

— Дело не в том, как я отношусь к этому. Дело в том, как относится к этому Бог.

Кристи сделала паузу, чтобы телезрители тоже услышали прокатившееся по студии «ого».

— Тогда скажите нам, пожалуйста, Павел, как Бог относится к подобному «семейному творчеству».

— Это вызывает Его гнев.

— А почему?

— Зло вызывает гнев Бога, потому что губит Его детей.

А то, что эти люди делают, — зло.

Этот суровый приговор вызвал волну протестующих возгласов и редких хлопков, многие тянули руку со своим вопросом. Прежде чем Кристи успела среагировать, Павел продолжил:

— Поэтому Бог их оставил и позволил им идти собственными греховными путями. У них темные мысли и злые дела, а Богу это отвратительно.

Долговязый парень в первом ряду выкрикнул свое возражение:

— Это ее тело. Она имеет право распоряжаться им, как захочет!

— О, но вот здесь-то вы и ошибаетесь. Ее тело принадлежит Богу и должно служить Ему.

— То, что мы делаем, никому не вредит, — стала спорить мать.

— Посмотрите на свою дочь, — отозвался Павел, указывая на девушку с полными слез глазами. — Разве вы не видите, как навредили ей? Вы подменили настоящую любовь похотью. Вы променяли любовь к Богу на любовь к плоти. Вы перепутали истину с ложью. И вы заменили естественное противоестественным...

Кристи больше не могла сдерживаться:

— Вы осознаете, как по-ханжески это звучит? Все эти разговоры о Боге и морали, о грехе и праведности? Вам не кажется, что вы забываете о реальности?

— О реальности? Нет. О любезностях — может быть. Но о реальности вряд ли. Бог не молчит, когда Его дети предаются извращениям. Он позволяет им идти по пути их греха и пожинать плоды. От каждого разбитого сердца, каждого брошенного ребенка, от каждой войны и трагедии можно проследить путь до нашего восстания против Бога.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Благодарности.....	5
Предисловие	6
Введение: величайшее открытие в моей жизни.....	8
Глава 1. Притча о реке	12
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: КАКАЯ ЖУТЬ!	
Глава 2. Благодатный гнев Божий	28
Глава 3. Безбожная жизнь.....	36
Глава 4. Безбожный суд	47
Глава 5. Безбожная религия	55
ЧАСТЬ ВТОРАЯ: КАКОЙ БОГ!	
Глава 6. Воззвание к мертвым	68
Глава 7. Где встречаются любовь и справедливость	78
Глава 8. Необоснованный кредит	90
Глава 9. Высшая лига благодати	104
Глава 10. Честь для нищих.....	111
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ: КАКОЕ ПРЕОБРАЖЕНИЕ!	
Глава 11. Действие благодати	126
Глава 12. Прийти в себя	137
Глава 13. Благодати вполне достаточно.....	147
Глава 14. Гражданская война внутри души.....	158
Глава 15. Бремя ненависти.....	170
Глава 16. Мы все в одной лодке	180

Глава 17. Что мы действительно хотим знать	194
Заключение: «Не забывайте за мной присматривать!»	205
Примечания	209
Учебное пособие	213